

В НОЯБРЕ 1943 ГОДА

Кирилл Лехмус,

г. Тюмень, ЧОУ Православная гимназия

Ноябрь 1943 г., ведётся наступательная операция по взятию города Гомеля. Немцы безрезультатно пытаются удержать свои позиции, но мы уже на подходе к деревне Горваль, что в 81 км от города. Переправа через речку Березину уже наша, и теперь осталось только преждать до подхода подкрепления войск Красной армии. Но недолго продлилась эта спокойная пора безмятежного ожидания.

Стояло холодное, декабрьское утро, когда командир спешно поднял наших солдат. Немцы наступали, они не хотели допустить, чтобы советские войска добрались до своего тыла, и теперь враги нашего Отечества перешли в наступление, дабы отвоевать свои позиции.

Крепко сжав автомат в ладонях, я поднялся из окопа и увидел, что на противоположном берегу речки постепенно стали увеличиваться тёмные точки. Прошло немного времени, и уже отчётливо виднелись смертоносные дула фашистских танков, зловещие стволы пулемётов, грозно сверкающие на блёклом солнце вражеские штыки. По приказу командира мы смело бросились в атаку. Один за другим, в такт нашим выстрелам кричали и падали замертво наши противники. Казалось, наша взяла, как вдруг, после ещё нескольких выстрелов, мою грудь словно прошибло насквозь холодной иглой, в глазах помутнело, поплыли цветные круги, и я в изнеможении упал на запыленную холодным снегом землю.

Очнулся я от сильных и режущих болей в груди, дышать было тяже-

ло. Место, где я оказался, было мрачным санитарным вагоном, на котором, как оказалось, мне позднее придётся проделать длинный и тяжёлый путь до Красноярска. Постоянная одышка сильно мешала мне думать о чём-либо, и поэтому большую часть этой дороги я провёл в часто прерывающемся сне. Скоро под убаюкивающий звук стучащих вагонных колёс засыпать стало легче. Но прошло немного времени, и моё состояние неожиданно ухудшилось, во сне часто стал бить сильный озноб, несмотря на проветривание вагона, дышать стало почти невозможно. Каждый день я жил лишь надеждой, что доберусь до госпиталю и либо вылечусь и уже умру на фронте в бою, как подобает солдату, либо сгину в белых стенах больницы, не послужив больше своему Отечеству. С такими печальными мыслями я и впал в долгое забытье.

Очнулся я уже по прибытии поезда в город на станцию Красноярск, далее путь мой лежал до Красноярского эвакогоспиталя 1515. Перенести дорогу в тесном санитарном автомобиле удалось мне с трудом, но добраться до здания школы, которое было отдано под военную больницу, я всё-таки смог. Уже внутри увидел, как жестока к человеку война: везде заполненные до отказа больничные палаты, бывшие раньше школьными классами, наполнялись стопами изувеченных бойцов. Бесконечно носились взад и вперёд озабоченные медсёстры с носилками, то и дело мелькали белые халаты напряжённых докторов.

Пронеся через все эти ужасы на носилках, санитары оставили меня в операционной наедине с каким-то неизвестным мне хирургом. Это был человек среднего роста с довольно пышной седой бородой и ласковыми пронизательными глазами, заметно увеличивающимися через толстые линзы его очков. Доброе и выразительное лицо старца (сам не знаю, как подвернулось такое точное слово — видно, сам Господь шепнул мне его) внушало непередаваемое спокойствие.

Почему-то сразу стало легче: даже не переставая до этого ни на минуту боль немного отпустила мою грудь. В таком молчании прошло несколько минут, но даже это недолгое время сказало больше, чем долгие часы оживлённой беседы. Хирург представился, сказав, что его зовут Валентином Феликсовичем. Оценив моё плачевное состояние, он тотчас опустился на колени перед иконой Божьей Матери, висевший здесь же в углу.

Впоследствии созерцание его пламенной молитвы сильно повлияет на моё отношение к Богу и к вере православной.

Встав с колен, святитель Лука (как я узнал позднее) перекрестил меня, поднёс к моему лицу маску для наркоза, и я погрузился в долгий медицинский сон.

Проснувшись, я почти ничего не смог разглядеть вокруг себя. Лишь белые силуэты выступали из ослепляющего света очерченными фигурами.

Спустя некоторое время я разглядел среди них другого доктора и лечившего меня Валентина Феликсовича. Сперва они о чём-то долго беседовали, а потом доктор покинул нас, и мы остались с хирургом вдвоём.

«Как вы себя чувствуете?» — спросил он, помедля.

Я помолчал недолго, ожидая вновь почувствовать невыносимую боль, но ничего не случилось. Мне удалось разомкнуть пересохшие губы, и я прошептал: «Чувствую себя хорошо».

Валентин Феликсович посмотрел на меня своими ясными глазами: «Знай, дружок, нелегко вылечить тебя было — видно сама Пресвятая Богородица тебя с того света вымолила».

Я помолчал.

«А Вы что, верующий?» — спросил я.

«Да, — ответил хирург и потом добавил: священник, и имя моё — епископ Лука».

Я задумался: неужели такие же хорошие самоотверженные люди, как этот батюшка, так жестоко были замучены и убиты нами?!

Слёзы потекли у меня из глаз: «Каюсь, батюшка, виноват, неверующий я был и в Бога не верил!»

Я не смог больше сказать ни слова и горько заплакал. Отец Лука перекрестил меня и сказал: «Заблудиться, сынок, дело нехитрое, а вернуться к истине и покаянию — вот истинный подвиг человека!»

Прошло около месяца, прежде чем я полностью оправился от болезни и снова смог вернуться в ряды Красной армии. И на протяжении всей войны, до конца которой я, слава Богу, дожил, вспоминался мне святитель Лука Войно-Ясенецкий, который в пору моих страданий смог вылечить не только тело моё, но и мою душу.

Много лет прошло с тех пор, многое изменилось. Перестали уничтожать и даже стали восстанавливать десятки православных храмов. Вернули домой многих арестованных в годы гонений священников. Вновь наполнились пением молитв церкви Христовы.

И среди всего этого православного возрождения никак не ожидал я вновь встретить Валентина Феликсовича. Но Бог велел нам свидеться, и случилось это так. Женившись после войны на прекрасной женщине и имея уже троих детей, решил я в 1958 г. обязательно съездить с семьёй в Крым, чтобы всем вместе насладиться и полной грудью вдохнуть, так сказать, известнейший целебный крымский воздух, так широко славившимся по всему Советскому Союзу своим оживляющим свойством. Итак, при сборах в путь-дорогу выбор мой пал на крымский город Симферополь — столицу крымского полуострова.

Можно писать целые тома толстых книг о Крыме и их вряд ли хватит, чтобы достоверно описать все его красоты. Незабываемое черноморское побережье, с мелкой галькой, так полюбившееся путешественникам со всех концов нашей необъятной страны, чистейшее ярко-голубое небо, то и дело рассекаемое крыльями грациозных чаек, всплески по утрам рыб, которые ежеминутно покрывают рябью сверкающую морскую гладь, прочищающий лёгкие весенний бриз лучше всякого кофе поднимет вас на ноги и прогонит лень и усталость прочь.

Непередаваемо манящая романтика природы, старинных и недавно возведённых зданий, памятников — всё это лишь простое и скучное описание незабываемого Крыма.

Вынужден прервать своё восхищение Симферополем и рассказать уже о самом чуде, достигшем меня в этом райском месте. Оказывается, так любимый мною, а также многими православными христианами святитель Лука Войно-Ясенецкий не просто пребывал на полуострове, но и был здесь уже 12 лет архиепископом Крымским и Симферопольским.

Не сможет ни один стихотворный гений, будь он даже мировым мастером своего дела, передать всю глубину моего душевного ликования. И вот настал момент, когда я ступил на крыльцо небольшого загородного домика, так аккуратно смотревшегося на фоне моря, и постучал в дверь. Послышались мягкие, но быстрые шаги, а немного позже и скрип дверных петель. Передо мной в священническом облачении стоял мой спаситель. Я взял у него благословение и он, узнав меня по голосу, пригласил с семьёй внутрь. Как оказалось, святитель Лука полностью ослеп, но даже при том, что он ничего не видел, его действия были точны и аккуратны. Даже увидев его близко, я поверил в его слепоту только после того, как разглядел его сомкнутые глаза.

Говоря о домике батюшки, нельзя не отметить стопки аккуратно сложенных книг, порядка и прибранности каждого уголка его комнаты — нигде не было видно ни пылинки, ни предмета, лежащего не на своём месте.

После радушного приветствия он усадил нас за стол, застеленный белоснежной скатертью, и пошёл доставать чайник с крымским травяным чаем и маленькие аккуратные чашечки, которые хранились в красивом резном буфете.

Отец Лука выглядел почти так же, как и пятнадцать лет назад, прошедших с нашей последней встречи, он лишь немного постарел, но остался таким же добрым и ласковым, каким запомнило его моё сердце. Нашей с ним беседе не было ни конца ни края — столько всего накопилось в наших сердцах! Мы говорили на разные темы, оба ликовали при мысли о возрождении Русской православной церкви, были счастливы от того, что война, унесшая столько человеческих жизней, закончилась. Я и семью свою архиепископу Луке представил: супругу и трёх детишек — он всех благословил и подарил жене иконку, а детям каждому — по грозди спелого душистого крымского винограда.

Я ещё часто навещал отца Луку в то лето: было нам о чём вспомнить, было о чём помолиться, но время шло, и скоро дни нашего пребывания в Крыму подошли к концу.

Как это ни грустно, пришёл день разлуки. Поезд отправлялся вечером, поэтому мы все успели причаститься у отца Луки Святых Христовых Тайн. Слезы текли из наших глаз, когда пришёл час нашего с батюшкой расставания.

После небольшой и наставительной беседы незаметно быстро наступил вечер, пора домой — как ни грустно, но приходится это осознавать. Мы собрали вещи и уже собирались проститься с владыкой, как вдруг он предложил проводить нас до станции и подождать там до отбытия поезда. Наши лица озарились счастливыми улыбками, ведь каждая минута, проведённая с таким необыкновенным человеком, словно тёплая церковная лампадка, прогревает и душу, и ум, и сердце изнутри. В такие моменты даже кажется, будто Господь Бог благословляет нас своей бесконечно милосердной рукой.

Вот и кончились счастливые крымские деньки, лежит путь-дорога домой. Кто знает, посчастливится ли мне ещё повидаться с этим удивительным человеком?

Прошло всего три года после нашей последней встречи, когда святитель Лука отошёл ко Господу на небеса, далеко от этого брэнного мира (архиепископ Лука Войно-Ясенецкий умер 11 июня 1961 г.). Скончался он там же, в Симферополе, и когда я узнал про это, глаза мои вновь затуманились от горьких слёз: так грустно и одновременно радостно было мне за отца Луку Войно-Ясенецкого. Грусть охватывала меня от мысли, что Господь забрал в рай ещё одного великого, святого человека, чей несомненный подвиг, при почти безостановочной работе мозга и рук, не только поднял с больничного одра сотни солдат, но и вразумлял заблудившихся в душе людей — таких, как я, грешный. Радость же переполняла меня и восклицала о вечной памяти сего человека — именно такими людьми крепка наша великая страна и весь русский народ. **НО**